

АЛЕКСАНДР
ЛЕОНТЬЕВ
МАРИНА
ЛЕОНТЬЕВА

ДРЕВНЕЙШАЯ
ИСТОРИЯ
РУСИ

БИАРМИЯ: СЕВЕРНАЯ КОЛЫБЕЛЬ РУСИ

Вот повесть
русская земля
как возникла
русская земля
да пошла
и стал первым
князем

Древнейшая история Руси

Александр Леонтьев

Биармия: северная колыбель Руси

«Алисторус»

2007

УДК 94
ББК 63.3

Леонтьев А. И.

Биармия: северная колыбель Руси / А. И. Леонтьев —
«Алисторус», 2007 — (Древнейшая история Руси)

О таинственной северной стране Бирамии ныне помнят только ученые. А некогда это было богатое и могущественное государство на берегах Белого моря, слава о котором достигла самых отдаленных уголков Европы и Азии. В Биармию шли караваны купцов из Средней Азии, плыли в своих боевых ладьях воинственные викинги за добычей. По одной из исторических гипотез, именно Биармия стала колыбелью великорусской нации. Время сравнило с лицом земли города и веси Великой Биармии. Даже само ее месторасположение стало загадкой для последующих поколений. Покров над этой тайной приподнимают писатели-историки Александр и Марина Леонтьевы, посвятившие свою жизнь изучению родного Поморья.

УДК 94
ББК 63.3

© Леонтьев А. И., 2007
© Алисторус, 2007

Содержание

Введение	6
Часть 1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Александр Леонтьев, Марина Леонтьева

Биармия: северная колыбель Руси

© Леонтьев А., Леонтьева М., 2007

© ООО «Алгоритм-Книга», 2007

Введение

Там русский дух, там Русью пахнет.
А. С. Пушкин, «Руслан и Людмила»

Более десяти лет назад, когда мы работали над подборкой материала для предыдущей книги, посвященной истории нашего северного края, неожиданно наткнулись на впервые услышанное, удивительно красивое и одновременно непонятное слово БИАРМИЯ. Сейчас об этом смешно вспоминать, но мы абсолютно не имели представления о нем; раньше ни в школе, ни в вузе никто не упоминал его, это действительно так. А стоит ли удивляться? И теперь, уже по прошествии многих лет, когда о неведомой стране собрано огромное количество сведений и сообщений из различных источников, мы задаем вопрос своим знакомым о БИАРМИИ, и большинство из них не знает значения этого непонятного нерусского слова и поэтому затрудняется ответить. Более того, оказывается, даже не все учителя-историки в школах могут что-нибудь сказать об этой удивительной стране; да что учителя, некоторые специалисты от истории ничего вразумительного не ответят вам по сути этого вопроса, если начнете подробно расспрашивать о существовании таинственного края. Стоит ли упрекать их в этом? БИАРМИЯ на протяжении столетий до сих пор остается такой же тайной за семью печатями, которую никто не может раскрыть.

БИАРМИЯ¹ – эта таинственная и загадочная страна, по сведениям древних писателей, располагалась когда-то на территории Русского Севера. Уже в течение почти трех столетий среди историков, как начинающих, так и именитых, не утихают споры о том, где же действительно находился этот богатый край, в какой части европейского Севера раскинулись его просторы и, главное, действительно ли он существовал и был такой изобильный. Или это только одни выдумки и фантазии древнескандинавских скальдов и англосаксонских писателей.

Как известно, ни в одной из наших русских летописей – ни в самых древнейших сводах: Лаврентьевской, 1-й Новгородской, Ипатьевской, ни тем более в поздних – вы не найдете упоминания о БИАРМИИ. Нет сведений о ней и в других актовых материалах, относящихся к древнему периоду истории России. Но все же, если быть точными и объективными, можно найти сообщение о БИАРМИИ, причем только в одном древнем документе – это в преданной обструкции ретивыми историками, незаслуженно забытой и не принимаемой некоторыми учеными всерьез до настоящего времени Иоакимовской летописи, впервые опубликованной в «Истории государства Российского» известнейшим историком В. Н. Татищевым.

Как гласят предания и легенды, в незапамятные времена на Поморском Севере существовала могущественная страна БИАРМИЯ – *Beormas*, так она называлась у англосаксонских писателей и *Vjarmaland* – в скандинавских сагах, занимавшая огромную территорию и обладавшую богатейшими запасами речной и морской рыбы, зверья, пушнины, моржовой кости, соли, серебра и жемчуга.

Границы БИАРМИИ простирались, по одним источникам, от Северной Двины до Печоры и от Белого моря до Камы, по другим, – границы ее были еще шире и достигали на западе – Финляндии и на севере – Норвегии, захватывая побережье Белого моря и Кольский полуостров, т. е. территорию всего Русского Севера. За БИАРМИЕЙ следовала воображаемая и фантастическая страна Йотунгейм (*Jotunheim*) – «страна великанов», «отчизна ужасов природы и злого чародейства».

¹ Биармия – так, а не иначе будет звучать это слово и в дальнейшем для облегченного его прочтения, хотя в русской транскрипции должно звучать – Бьярмия от древнескандинавского (норренского) *Vjarmaland*.

Сведения из древнескандинавских саг о расположении загадочной страны были расплывчатые и туманные, что, в свою очередь, вызвало у историков затруднения в локализации БИАРМИИ и нешуточные споры по этому поводу, не утихающие в течение нескольких веков.

Итак, где же располагалась эта таинственная и легендарная страна? Более того, существовала ли она в действительности? Что за народ ее населял, и почему она имела такое странное название? Вот на эти вопросы мы постараемся ответить читателю, используя сведения, оказавшиеся доступными авторам книги в виде мифологических, исторических, географических, этнографических известий из сочинений средневековых писателей и картографов, рунических рукописей, древнескандинавских саг, летописей, других источников.

Часть 1

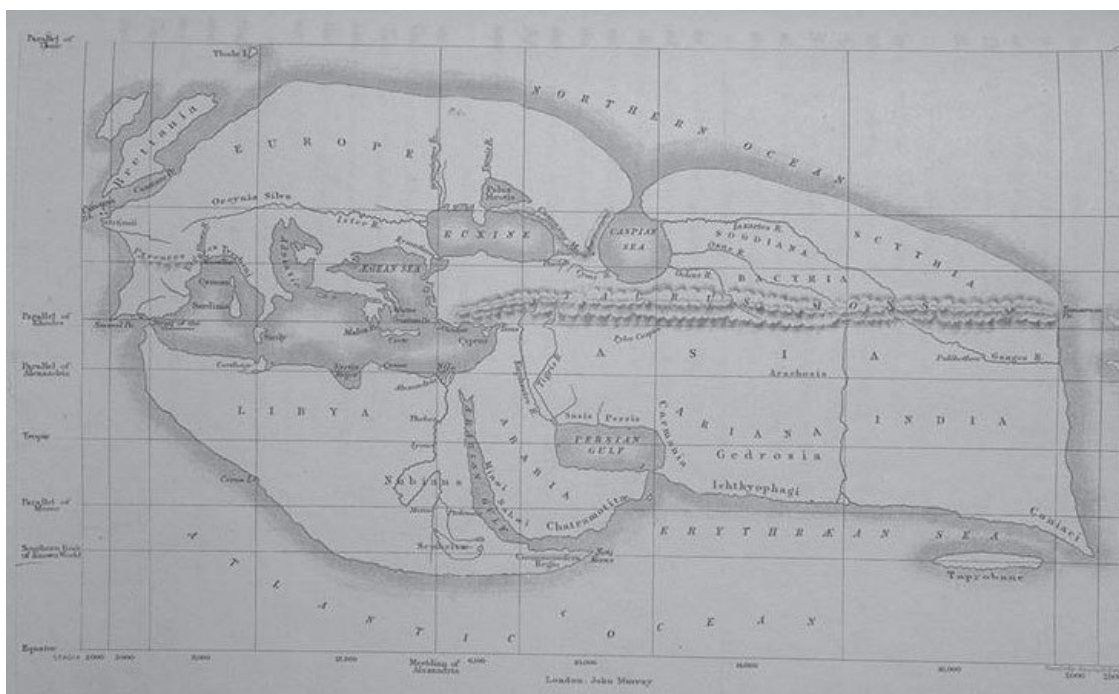
Первые упоминания о неведомой стране

Сразу хотим оговориться: в ходе исследования, при изучении сведений о Биармии авторы книги не раз убедились, как были неустойчивы и переменчивы представления об этой загадочной стране не только у современных исследователей, но и у самих древних писателей – скандинавских составителей саг. За эти несколько столетий, в чем вы, читая нашу книгу, удостоверитесь сами, где ее только не помещали: и вблизи Норвегии, и на Кольском полуострове, и в Карелии, и на берегах Северной Двины, и в Перми, и в Ярославской области, и в Татарии, и даже, как ни удивительно, на берегах Балтийского моря.

Первоначальные сведения о загадочной стране были очень туманными и расплывчатыми. И поначалу, как видно из ранних скандинавских произведений, Биармию размещали на берегу неведомого моря, граничащей с какими-то фантастическими странами.

Одним из самых древних свидетельств о существовании Биармии является написанная на пергаменте рунами, ориентировочно около X века, «История Хиалмара, царя Биармаландии и Тулемаркии», впервые переведенная на русский язык С. К. Кузнецовым в начале прошлого века.

Из ее содержания известно, что Биармия располагалась между неведомой страной Тулемаркией и Гандвиком за восточным склоном какого-то горного хребта, причем туда можно было добраться морским путем. Впервые упоминается имя Вагмара – царя *биармийцев*, или *биармов*, так называли жителей неведомого края. Герой саги, царь другой такой же неизвестной страны Туле – Хиалмар, приходит в Биармию на нескольких судах со своими напарниками, побеждает его и становится полновластным хозяином страны.

Карта Страбона с изображением острова Туле (Tule)

К сожалению, вспоминает переводчик, в древнейшей рунической рукописи навсегда утрачены первые три листа, поэтому никогда уже не узнать описания северных безвестных стран. Вопрос о местоположении острова Туле (Тулемаркии) остается до сих пор открытым,

чего нельзя сказать о Гандвике, который почти всеми исследователями отождествляется с Белым морем. Поэтому из содержания саги можно с определенной долей уверенности сделать вывод, что эта Биармия располагалась на Севере (следуя из положения неведомой Туле), с восточной стороны, вероятно, главного скандинавского горного хребта, и на берегах Белого моря.

Что же касается Туле, то первооткрывателем этого таинственного легендарного острова, расположенного в северных областях Океана, считается ученый астроном и мореплаватель Пифей, обнаруживший его в IV веке до н. э. Записки Пифея о путешествии на Север не сохранились и считаются навсегда утраченными, поэтому основным первоначальным письменным источником о Туле являются тексты Страбона и Плиния Старшего. С античных времен из поколения в поколение передавались легенды и сказания о существовании какого-то огромного куска суши под названием Ultima Tule (Крайняя Туле), расположенного в северных областях Океана.

До настоящего времени остается не раскрытой тайна этого удивительного острова. Вопрос о том, какая из областей Северной Европы была пифеевской Туле, остается до сих пор открытым. Хотя за свою многовековую историю немало гипотез было выдвинуто в науке. И где только его ни располагали: одни считали Туле из числа Шетландских островов, другие – Исландией и даже Гренландией, третьи – Шпицбергом. Мы же склоняемся к мысли, что это были высокогорные Лофотенские острова Норвегии или сам Скандинавский полуостров, долгое время принимавшийся древними за остров.

В этой связи интересно привести сведения из трехтомного труда «О положении Земли» римского географа Помпония Мелы, жившего в I веке н. э., где впервые была представлена Скандинавия под названием *Codanovia*, правда, не материковой землей, а как «самый большой и самый плодородный остров», принадлежащий *тевтонам*. Здесь же древний писатель упомянул и о легендарном острове Туле (Фула) Пифея, сообщив при этом: «*против берега [племени] бергов лежит остров Фула*», по словам географа, «*прославленный как греческими, так и римскими поэтами*».

Не исключено, что географ здесь впервые упомянул о северных племенах, позднее воспетых в древнескандинавских сагах под именем *бьярмов*, *биармов* или *биармийцев*. В саге «История Хиалмара, царя Биармаландии и Тулемаркии» говорится следующее: «*Знаменит был в это время царь Хиалмар, который над всеми другими царями выдавался природными своими дарованиями и геройскими добродетелями и был лучшим начальником для своих придворных. Он сам приобрел власть над Биармаландией; царство это расположено между Тулемаркией и Гандвикой, за восточным склоном горного хребта. Первоначально он, вероятно, населял со своими подданными места болотистые, прежде чем выбрал себе определенное место жительства*».

Обратите внимание, здесь Биармия, расположенная за склонами какого-то горного хребта, находится между островной страной Туле (Тулемаркия) и Гандвиком (обычно древнескандинавский Гандвик отождествлялся с Белым морем). На наш взгляд, представленные сведения о соседстве Туле и Биармии не случайны, у известного историка и скандинавов, вероятно, были одни источники. Поэтому считаем, что существуют серьезные основания для отождествления *берегов* Помпония Мелы и *бьярмов* или *биармийцев* норвежских саг.

Свидетельства о походах скандинавов в Белое море можно найти в другом источнике сведений о Биармии – в часто цитируемом исследователями сборнике писателя Рафна (Rafn'a) под названием «Русские древности», изданного в Копенгагене в 1850–1852 годах. Историк собрал в указанном двухтомнике свод фрагментов скандинавских письменных памятников, в том числе и произведения, в которых упоминалась интересующая нас Биармия.

В одном из них под названием «Сага о Боси» (создано не ранее 1241 года) говорится о другом царе Биармии по имени Харек. Персонажи саги, выходец из простой семьи, отважный

и смелый Боси со своим побратимом, сыном норвежского конунга Херраудом, после возвращения из пиратского похода к побережью Дании и Германии были отправлены королем Норвегии к загадочным берегам Биармаланда за несметными богатствами, которыми славилась эта страна. В саге не говорится, где она располагалась; единственно известно, что в завершение своего похода они оказались у берега Винского леса, с которым большинство исследователей соотносят лес на берегах реки Северной Двины (*Vina sag*), где ограбили биармийское святилище Йомалы. Правил тогда Биармией царь Харек, и, что любопытно, у него было два сына с очень интересными именами – Рерик и Сиггейр, очень напоминающих летописные имена призванных «из-за моря» братьев Рюрика и Синеуса.

Переплетением сказочных и реальных исторических событий наполнена «Сага о Стурлауге Трудолюбивом Ингвольссоне», сочиненной около 1300 года. Только героем древнего произведения уже является шведский конунг Стурлауг Ингвольссон. В молодости он совершил морское путешествие в неведомое государство *Гундигаланд* в поисках какого-то волшебного рога. Эта страна, как говорится в саге, находилась на Севере между *Финмарком*, самой северной областью Норвегии, и Биармией. Узнав, что волшебный рог находится в Биармии, герой саги сел на судно и продолжил плавание до реки *Вины*. Поднявшись вверх по течению, на западном берегу реки он увидел какой-то храм или святилище. В данном случае Биармаланд можно предположительно расположить на территории, захватывающей западное побережье Белого моря до реки Северная Двина.

* * *

В следующей древнескандинавской «Саге об Алуборге и Алдейгьуборге» Биармия располагается восточнее указанных в названии саги областей или городов Гардарики (по далеко не бесспорному, на наш взгляд, мнению большинства историков, так называли скандинавы Древнюю Русь). Вероятней всего, полагают специалисты, здесь зафиксировано одно из первых упоминаний старинного северного города Ладоги, точнее Старой Ладоги (*Алдейгьуборг*), и Олонца (*Алаборг*), но не как конкретного населенного пункта, а как целой местности в Приладожье.

Герои саги – два брата-скандинава – ходили воевать с царем Биармии Хареком из-за того, что тот не пожелал отдать свою дочь за одного из них. К порту назначения – столице Биармии, название которой не дано, они пришли водным путем на 60 кораблях. После непродолжительных переговоров и обещания норманнов отдать свои владения в Приладожье государю Биармии, дочь согласилась выйти замуж за «горячего скандинавского парня» и конфликт получил мирное разрешение.

Подтверждением того, что Биармия находилась восточнее Приладожья, служит еще одно скандинавское произведение под названием «Сага о Хальфдане, сыне Эйстина», на наш взгляд, перекликающееся с содержанием предыдущего сказания. Эйстин вместе с сыном ходили (обратите внимание) *на восток* против царя биармийской страны Хергейра, которому принадлежали упоминавшиеся Алуборг и Алдейгьуборг, и завоевали Биармию.

В саге говорится, что Хальфдан однажды отправился из Алдейгьуборга (из Старой Ладоги) *на восток*, а через некоторое время очутился в Биармии. Такое же путешествие совершил и обратно: непосредственно из Биармии герой саг возвращается в Алдейгьуборг.

Через некоторое время, после гибели Эйстина, уже находясь в Норвегии, королевский отпрыск Хальфдан узнал, что викинги опустошили Биармию и Новгород (*Nogardr*), покоров себе Кириалаботн (Финский залив) и большую часть России (*Russaland*). Для наведения порядка в северной стране Хальфдан отправился в Биармию и покорил ее. «*После этого собрался он в путь оттуда домой в Альдейгьуборг*».

Получается, что скандинавы для путешествия к берегам Белого моря использовали, кроме Северного морского, другой путь – через Финский залив, а затем по суше (волоками) или по рекам добирались до западного побережья Белого моря и затем морем до Биармии. Из саги известно, что такое же путешествие совершил позднее его побратим Ульфкель. Он предложил царю Биармии выдать замуж свою дочь за брата Ульфа, в качестве приданого скандинав пообещал отдать Алуборг и Алдейгьюборг.

Отсюда напрашивается вывод, что названные города (территории) должны находиться по соседству с Биармией. Только с рядом лежащими областями возникала возможность образовать впоследствии одно более крупное, целое государство.

Итак, из содержания двух последних саг можно прийти к заключению, что Биармия занимала очень большую территорию, граничащую на севере с Норвегией, на западе – с областями Ладogi и Олонца, а на востоке – с Белым морем.

* * *

Самое древнее *историческое письменное свидетельство*, в котором упоминается не сама страна Биармия, а ее жители *биармы* или *биармийцы*, находится в знаменитом рассказе норвежского промышленника и зверобоя Оттара (Ottar или Ohthart – по древнескандинавскому языку, Ohthere – англосаксонскому). Причем, сразу заметим, повествование идет о реальных событиях, не вызывающих сомнений в их правдивости у историков на протяжении уже почти тысячи лет. Его даже нельзя отнести к разряду саг, это просто рассказ человека о своем путешествии по полярным морям.

Оттар родился в северной части Норвегии, самой дальней провинции под названием Халогаланд (Halogaland), зверобой и промышленник, знатный человек и крупный скотовладелец, имел более 600 оленей, а также много другого скота. Как и остальные норвежские колонисты, он занимался добычей китов, тюленей и моржей в полярных морях. На своих судах им приходилось преодолевать большие расстояния в поисках морского зверя, вероятно, Оттар побывал во многих местах Северного и Атлантического океанов.

После того, как в 865 году к власти в Норвегии пришел конунг Харальд Прекрасноволосый, он назначил Оттара ярлом Халогаланда. Но вскоре норвежский зверобой вынужден был эмигрировать на юг, в Данию.

Оттар, вероятно, был образованным человеком и одним из тех редких людей, которые на всю жизнь запоминали подробности своих походов по морям-океанам, а, может, чего нельзя исключить, делали описание тех мест, которые они посещали, т. к., известно, что вскоре в Дании он собрал все сведения о странах, расположенных вокруг Балтийского моря.

Оттуда примерно в 871 году Оттар перебрался в Англию. История умалчивает, как он оказался на службе у английского короля Альфреда Великого (871–901). Вероятно, король прослышал о необычных способностях образованного чужестранца-морехода и поэтому вскоре пригласил Оттара к королевскому двору. Альфред Великий был заинтересован в том, чтобы его подданные перенимали опыт в мореходном искусстве, т. к. лучшими в мире мореплавателями в те времена считались норманны.

Более всего он известен тем, что перевел с латинского на англосаксонский язык ряд таких известных произведений, как «Об утешении философией» Боэция, «Церковная история английского народа» Беды Достопочтенного и самый главный труд – «История против язычников» Павла Орозия. Именно в это переработанное им произведение испанского священника, жившего в V веке, Альфред Великий добавил географическое описание Центральной Европы с включением донесения Вульфстана о плавании в Балтийское море и рассказа Оттара о путешествии в Белое море, записанное, вероятно, со слов самих путешественников.

Описание этого приключения сохранилось до наших дней. Кстати, дату путешествия Оттара к берегам Биармии никто точно указать не может, и ее определяют приблизительно – до 869 года.

По словам Отара, ему однажды захотелось узнать, как далеко на север простирается земля и живет ли кто в северной части архипелага. Тогда на судне он пошел вдоль берега и через шесть суток заметил, что дальше береговая полоса, заселенная *финнами*, повернула на восток. Затем он плыл еще четыре дня, пока судно не повернуло прямо на юг. Оттар следовал вдоль берега в южном направлении пять дней, и, как сообщает сам путешественник, «там большая река вела внутрь земли». Вначале они, боясь нападения местных жителей – *биармийцев* (*беормы*), живших на одном берегу этой реки, не решались войти в нее. Затем, вероятно, сдружились, т. к. «много поведали ему биармийцы, как о своей родной земле, так и о близлежащих землях». Причем местное население общалось с ним на похожем с финнами языке, и он хорошо их понимал. Еще он упомянул, что прежде чем они достигли безымянной реки, им встретились *терфинны* – охотники и птицеловы.

Кто подразумевается под *терфиннами*? Наверняка это саамские племена, или, как их называли в старину, – *лопари*, населявшие территорию Кольского полуострова или русский Финмаркен. По летописным данным, с XIII столетия, а может быть и раньше, они платили дань новгородцам под именем *терская лопь*. Вероятно, первый слог названия *тер* образовалось от финского слова *Turja* или саамского – *Tarje Narg*, что в переводе обозначает *лес* и *лесистый берег*. В русских летописях область *Тре* в различной транскрипции: *Тре*, *Тръ*, *Терь*, *Тьръ* входила в состав владений Новгородской земли, а позднее Московских великих князей. В настоящее время южное побережье Кольского полуострова носит название Терский берег.

Под *финнами*, о которых упоминается в начале текста, надо подразумевать не финские племена, а саамов или лопарей, которых шведы называли *лапландцами*. Наоборот, тех, кого шведы называли *финляндцами*, норвежцы звали *квенами*, а русские позднее – *каяны* (от финского слова *kainu* – равнина). Значит *квены* – это финны, заселяющие территорию северных районов Норвегии и Швеции.

Рассказ об этом путешествии в свое время вызвал бурные научные споры о том, где в действительности побывал Оттар. И эти споры не утихают до сих пор. Одни исследователи считают, что норвежский промышленник был только на Кольском полуострове и не далее. Другие ученые убеждены, что путешественник достиг устья Северной Двины. Для объективности приведем доводы тех и других исследователей.

Сторонники первой версии уверены, что за время путешествия, указанное Оттаром (это в общей сложности получается 15 дней), ссылаясь на слабые мореходные качества судов, их «убогость», незнания навигации и искусства хождения в бейдевинд (против ветра), путешественники якобы за такое короткое время никак не сумели бы достичь берегов Северной Двины. Вероятней всего, делают они вывод, это была какая-то река Кольского полуострова.

Эта группа историков глубоко заблуждалась, так низко оценивая мореходные качества судов скандинавов. Известно, а это можно узнать по археологическим находкам кораблей викингов, захороненных в курганах вместе с покойными норвежскими вождями, а также из рисунков, высеченных на камнях (обнаруженных, например, на острове Готланд), – это были маневренные, быстроходные торговые корабли с высокими бортами и плоским дном, достигающие длины до 24–30 метров и покрывающие под большим квадратным парусом до 120 миль в сутки.

Давайте проследим путь отважного путешественника, решившего просто «*узнать, как далеко на север лежит эта земля и живет ли кто-нибудь к северу от этого необитаемого пространства*».

Сразу оговоримся, что плавание норвежца состоялось, вероятно, в начале лета или самое позднее в июле месяце, т. к. со второй половины августа ночи на Белом море становятся тем-

ными. Вот что пишет по этому поводу один историк: *«Оттар, несомненно, воспользовался для своего плавания длинным полярным днем; по его словам, 15 дней ушло на путь до устья Северной Двины, и, вероятно, столько же длилась стоянка у Нордкапа и Святого Носа в ожидании погоды. Обратный путь занял не меньше времени; за два месяца Отер не видел ни одной звезды, а следовательно, и Полярной».*

Плавание свое они начали с побережья провинции Халогаланд, приблизительно от острова Гёнде. Вначале они шли на судне три дня на север вдоль берега, пока не достигли предела китобойных промыслов, – это около 69 градусов северной широты, т. е. на полпути от мыса Нордкап. Далее они следовали еще три дня на север, оставляя по правому борту берег, а слева – океан, достигнув места, где изгиб берега материка круто поворачивал на восток. Это около самой крайней северной точки Скандинавского полуострова – мыс Нордкап. Оттуда путешественники, дождавшись северо-западного ветра, еще 4 дня шли вдоль побережья, где им снова пришлось ожидать попутного, но уже прямого северного ветра, т. к. берег поворачивал на юг. Вероятно, за это время Оттар мог достигнуть мыса Святой Нос на Кольском полуострове.

Затем они снова шли вдоль побережья еще 5 дней, пока не достигли устья большой реки. Вот именно эта неведомая река и стала камнем преткновения для исследователей. Каких только гипотез не выдвигалось за истекшие три столетия!

Например, известный полярный путешественник и исследователь Ф. Нансен называл даже место конечной стоянки Оттара – это река Варзуга на Терском берегу. Этой же точки зрения придерживались в XIX столетии ученые Таллыгрэн, Алениус, Малоне, уже в наше время – советские исследователи Белов, Матузова и др.

Ученый Г. Гебель сразу категорически отверг это утверждение: *«Отер, пройдя Святой Нос, брал курс на юг, обязательно должен был попасть не в Варзугу, а не иначе, как в устье Северной Двины, единственно широкой реки Белого моря с густо населенным, или, как значится в других переводах, с обработанным берегом, потому что, войдя, по всей вероятности, в один из крайних рукавов, ему виден был только берег с одной стороны, а с другой кошки², наверное, 1000 лет назад не населенный и голый. Причем, Отер вовсе не считает нужным рассказать, почему он пересек горло Белого моря, вследствие ли указаний терффинов или потому, что он сам усмотрел высокий противоположный Терскому Зимний берег».* К Зимнему берегу еще вернемся.

Не назвав реки, Оттар поставил исследователей перед дилеммой, где, в каком месте локализовать пресловутую реку. Вторая группа ученых (Джаксон, Мачинский и др.) предложила расположить ее западнее устьев рек Стрельны и Варзуги на Терском берегу – в Кандалакше или на реке Умбе.

А московский исследователь начала прошлого века С. К. Кузнецов (1905) вообще усомнился в том, что норманны побывали в Белом море. Он считал, что за такой короткий срок, т. е. за девять дней, пройти путь от Нордкапа до устья Северной Двины невозможно. При этом он ссылаясь на быстроходные современные пароходы, которые преодолевали тот же отрезок пути за 6 дней, поэтому, по его мнению, парусное судно никак не могло пройти это расстояние быстрее. Однако Кузнецов не учел одного обстоятельства, что, конечно, трудно было сделать, не побывав на Севере: этот единственный пассажирский пароход, курсировавший между Архангельском и Норвегией (мыс Нордкин), останавливался тогда, как говорили в народе, «у каждого столба», т. е. почти у каждого селения по пути следования, начиная от Золотицы на Зимнем берегу и у каждого становища – на Мурманском, причем на этих рейдах стоял иногда по несколько часов, в зависимости от погоды.

² Кошка – поморское название песчаной морской отмели. (Сравни у В. Даля: «кошка – коса на взморье или отмель грядою, обнажаемая отливом»). Обычно образуется в море при устьях впадающих в него рек. При отливе обнажается, когда же в море идет прилив, кошка становится невидимой для мореходов, что являлось одной из причин крушения судов, особенно в осенний штормовой период.

Приведем еще примеры. В 1582 году для выполнения дипломатической миссии царем Иваном Грозным в Англию был отправлен посол Ф. А. Писемский с толмачом Алексеем Ховралевым. Добирались они из Москвы до места назначения по Белому морю на парусных английских судах. В своем отчете русский посол отметил, что «*от Колмогорской пристани³ до Варгавы⁴ или одиннадцать дней*», причем они еще три дня *штормовались* по пути следования в беспокойном Баренцевом море. Другой посол, Г. И. Микулин, выполняя ту же миссию, но только посланный в Англию уже царем Борисом Годуновым в 1600 году, также в своем ставейном списке отметил, что «*корабли или [от устья Двины] до Кильдина острова пять дней, от Кильдина острова до Северного Носу⁵ три дня*». Уверены, что парусные английские суда не должны были принципиально отличаться по своей конструкции. Далее, если быть точным, то Оттар вообще не должен бы обходить Нордкап, т. к. тот лежит на острове, отделенный от материка проливом Магер-зунд. Пройдя вдоль берега шхерами, он мог обогнуть только самый северный мыс континентальной Европы – Нордкин. От него с попутным ветром и при хорошей погоде (в июле в высоких широтах бывает не штормовая погода продолжительное время) за 4 дня со скоростью 4 узлов, или 7 км в час (скорость гребной шлюпки), можно спокойно добраться до Святого Носа. А уж от Святого Носа до Северной Двины, даже двигаясь с черепашьей скоростью 2 узла в час, преодолеть расстояние в 250 миль нетрудно в 5 дней.

Наоборот, надо удивляться не большой скорости судна Оттара, а его медленности плавания от Нордкапа, или Нордкина, до устьев Северной Двины. Вероятно, он еще где-то делал остановки, например, для пополнения запасов свежей питьевой воды или знакомства с местными аборигенами. Оттар в своем рассказе о путешествии приводит сравнение говоров финнов и биармийцев, указывая на их схожесть, он же по пути следования был знаком с птицеловами, рыбаками, охотниками.

С. К. Кузнецов считал, что реку Вину⁶ (хотя Оттар ее не называл, а это наименование Северной Двины появится в сагах позднее) надо искать на Мурманском или Терском берегу. Под «большой рекой» Оттара он допускал несколько рек: Тулому (на которой стоит Кола), Териберку, Воронью, Иоканьгу или Поной. При этом Кузнецов абсолютно исключал не только Северную Двину, но и реку Мезень, несмотря на то что до устья последней, если пересечь одноименный залив, можно дойти значительно быстрее, чем до Двины. И в этом была его основная ошибка. Третья группа ученых, сторонники локализации «большой реки» Оттара в Двинском заливе, убеждены, что норвежец побывал на берегах Северной Двины, или, как считают авторы этой книги, возможно, даже заходил в одну из рек Зимнего берега.

Мнение ученого конца XIX века Г. Гебеля было изложено выше. Немецкий исследователь Вебер (1883) придерживался той же гипотезы, считая, что «*именно там находилось то единственное место, которое обладало огромной притягательной силой для заморских купцов. Это были самые доступные для мореходов ворота в страну, богатую драгоценным северным пушиным зверем. Только здесь, в устье Северной Двины, мог увидеть Отер «обработанную землю» и «большую реку*». Подобную точку зрения отстаивали автор книги «Поездки скандинавов в Белое море» Тиандер (1906) и позднее – советские ученые Платонов, Андреев (1922), Сverdлов (1973).

По очень удачному замечанию Г. В. Глазыриной, современного исследователя исландских саг, исключительно все историки, занимающиеся проблемой существования Биармии, локализовали «большую реку» биармийцев или биармов, опираясь на англосаксонское выражение Альфреда Великого «*gan micel ea*», употребленное в тексте при определении места, куда

³ Колмогорская пристань – Холмогоры, расположенные вверх по реке в 80 км от устья Северной Двины.

⁴ Варгав – северный норвежский порт Варде.

⁵ Северный Нос – мыс Нордкап.

⁶ Вина – Северная Двина в исландских и скандинавских сагах.

пришло судно. Данное словосочетание все интерпретировали как «большая река», и именно так оно переведено во всех существующих текстах, как на русский, так и на другие языки, что и послужило причиной для привязки ее к устьям крупных северных рек. Однако англосаксонское слово «ea» имеет более широкое значение – не только как «река», но и «водный поток», «течение»!

Нас очень давно интересовал вопрос о Биармии, когда-то процветающей богатой стране и вдруг внезапно исчезнувшей. И долго не могли найти ответа, почему Оттар в своем рассказе не дал названий ни рекам, ни тем местам, где он побывал, в первую очередь, конечно, не указал тех названий, которые ему могли сообщить аборигены (финны, терфинны и собственно биармы или биармийцы), с которыми он общался. И все больше склонялись к мысли, что он и не собирался передавать англичанам точные географические данные страны, богатой пушницей и «рыбьим зубом» (моржовыми клыками), мамонтовой костью, чтобы исключить в будущем конкурентов. Хотя скандинав там был не один раз, по его же словам, *«вскоре он поехал туда не только для того, чтобы увидеть эти края, но и за моржами»*, т. е. ходил в северные моря не в ознакомительную поездку, а для добычи морского зверя. Известно также, что позже, в 874 году, по поручению короля Альфреда Великого он вновь совершил еще одно путешествие в Биармию.

Именно тогда и пришли к мысли, что под «большой рекой» надо понимать не какую-то конкретную реку, а... *горло* Белого моря. Кстати, позднее мы нашли подтверждение своей догадки в книге той же Г. В. Глазыриной, однако она рассматривала данный вопрос несколько иначе и локализовала землю *биармов* на южной оконечности Кольского полуострова.

В книге «Зимняя сторона» одним из авторов дана естественно-географическая и гидрологическая характеристика Белого моря, и в частности его самой узкой части, так называемого *горла* – пролива между Кольским полуостровом (Терским берегом) и материком (Зимним берегом). Для наших моряков хождение через *горло* Белого моря, особенно в те далекие времена, когда отсутствовали карты, навигационные знаки и маяки, – было всегда рискованным мероприятием и чревато трагическими последствиями. Тем более для древних скандинавских мореходов эта часть моря могла показаться и широким бурным потоком, и рекой с ее обманчивыми приливно-отливными течениями и «крутыми суvoями», неведомыми для норманнов, ходивших всегда в относительно спокойных водах прибрежных шхер. Оттар мог подразумевать под «водным потоком», «течением» широкую полноводную реку потому, что, войдя в *горло* Белого моря – самое узкое его место, путешественник, по нашему мнению, увидел сразу два берега: справа поближе Терский берег и слева вдали – Зимний. Естественно, эти строки сразу вызовут возмущение оппонентов, исключающих такую возможность, но, тем не менее, это так.

Не забывайте, что Оттар совершал свое путешествие более тысячи лет назад, и тогда море было значительно уже в своей *горловой* части. Известно, что каждый год весной и осенью происходит значительный размыв берегов Белого моря льдами, приливно-отливными течениями, причем особенно этому подвержен высокий Зимний берег в районе Вепревского и Зимнегорского маяков. Уверены, что норвежские путешественники в IX веке могли видеть в самом узком месте Горла моря одновременно тот и другой берега, поэтому у Оттара и нет названия этой пресловутой «реки».

А в реки он наверняка мог заходить – ему же были нужны питьевая вода и товар для обмена. Это могли быть и Чапома, и Стрельна, и Варзуга на Терском берегу, широкие и глубоководные реки в те времена Золотица, Мудьюга – на Зимнем и, естественно, Северная Двина.

Но, вероятней всего, что Оттар мог увидеть обитаемые земли *биармов* только на южном побережье Белого моря, он же говорил, что *«земля эта заселена по одной стороне реки»*, а противоположная – Терский берег, где жили терфинны, – земля *«вся необитаема»*.

В рассказе Оттара мы впервые встречаем название племени, обитавшего на берегах этой неведомой реки – *биармы* или *биармийцы*. Путешественник подчеркивал разницу между фин-

нами и *терфиннами*, с одной стороны, и *биармами* – с другой, хотя одновременно заметил, что финны и *биармийцы* говорят почти на одном и том же языке. Он указывал, что финны были только охотниками и рыболовами, их поселения были очень редки, наоборот, страна *биармов* была сравнительно густо заселена, и они занимались земледелием. К путешествию Оттара мы еще вернемся, но определенно можно сделать однозначный вывод, хотя Оттар и не дал названия мест, в которых побывал, вероятней всего, он посетил Белое море и устье Северной Двины.

* * *

По мнению исследователей, исторический характер носит следующая сага, повествующая о путешествии норманнов в Биармию. «Сага об Одде Стреле», созданная примерно в XIII столетии и рукописи которой хранились в Копенгагене и Стокгольме невестребованными до XVIII века, дошла до современников в нескольких версиях. В ней рассказывается о легендарном норвежском викинге, обладавшим огромным ростом и гигантской силой. Он навечно остался в памяти скандинавского народа, один из немногих, удостоившихся чести запечатлеть себя в сагах. Одд был знаменит еще тем, что без промаха стрелял из лука, за что и получил меткое прозвище Стрела.

Когда Одду исполнилось 12 лет, приглашенная в их дом колдунья предсказала ему, что, достигнув зрелого возраста, он погибнет от своего коня. Историки отметили удивительную схожесть судеб данного героя скандинавской саги и нашего летописного Вещего Олега, который, как вы помните, погиб от своей лошади, точнее, от укуса змеи, не вовремя выползшей из черепа давно околевшей княжеской любимицы.

Не по годам смывленный, Одд еще мальчишкой не верил ни в бога, ни в черта (кстати, это не единичный случай безверия у скандинавов) и считал постыдным поклоняться различным идолам и менгирам в отличие от большинства своих соотечественников.

Сильный по своему характеру, он не поверил старой колдунье, но, тем не менее, принял меры предосторожности и на всякий случай приказал убить свою лошадь, наверное, думая тем самым обмануть судьбу, что, как выяснится позднее, ему сделать не удалось.

Посетив своих родителей после долгой разлуки, Одд узнал, что его младший брат Гутмунд и племянник Сигурд на двух кораблях собираются в плавание до Биармии. Он тотчас же принял решение идти с ними в поход, но родственники, не зная его, стали всячески искать причину для отказа, мол, для сборов требуется время, а Одд абсолютно не готов для опасного приключения.

Ему не удалось убедить упрямых родственников, в конце концов, они наотрез отказались идти с ним в поход. Тогда он с отцом вернулся домой.

Через полмесяца Одд узнал, что корабли брата и племянника все еще не ушли в Биармию. А причина оказалась банальной – Гудмунду приснился сон, что громадный белый медведь окружил своим телом остров, как кольцом, при этом его голова и хвост сошлись на их корабле, а сам он весь ошестинился, и казалось, что дикий зверь вот-вот набросится на судно и потопит. Суеверный Гудмунд посчитал, что образ медведя является воплощением души Одда, и поэтому, чтобы не искушать судьбу, все же решил пригласить в путешествие родственника. Однако теперь уже Одд заартачился, он затребовал отдельное судно, на что были вынуждены пойти суеверные братья. На время совершения похода они заключили союз.

При проводах отец подарил Одду три стрелы, скованных одним обручем и обладавших волшебными свойствами: они могли поражать абсолютно все, во что целился стрелок, причем, как бумеранг, всегда возвращались к тетиве лука. Одд от души поблагодарил отца за драгоценный подарок.

После расставания Одд отправился на судно и немедленно отдал приказание поднять якорь и выходить в дальнее странствие. Затем, развернув паруса, направил свое судно на север.

То же самое сделали Сигурд и Гудмунд: они пошли вслед за Оддом на север без остановок до самой северной части Норвегии – Финмарка, где они впервые бросили якорь. В том месте берег был усеян землянками, заселенными финнами.

Утром Гудмунд со своими людьми направился на берег, где тут же приступил к грабежу бедных финнов. Викинги без труда врывались в землянки, благо хозяева-финны отсутствовали дома, находясь на промысле зверя и ловле рыбы. Насиленные финки подняли такой крик, что воины на корабле Одда заволновались и стали проситься у своего предводителя на берег, однако Одд категорически запретил выходить им на материк.

После возвращения грабителей брат строго спросил у Гудмунда, действительно ли он участвовал в нападении на мирных финнов. Получив хвастливый ответ родственника о полученном удовольствии грабить бедных аборигенов, Одд сказал, что он не видит славы в насилии беззащитных женщин и предупредил, что грабителей ждет расплата за содеянное, а он немедленно отплывает.

К сожалению, в саге ничего не говорится, как они добирались до Биармии. Но, тем не менее, вскоре они оказались в устье Двины (Vina) и направились вверх по реке. В саге упоминается, что на Двине много островов, пройдя еще выше, они бросили якорь за каким-то мысом, который от материка выдавался в реку. Было бы заманчиво увидеть в этом мысе Пур-Наволоку, на котором собственно позднее появился город Архангельск. Кстати, от этого места Двина делится на три рукава: Березовский, Мурманский и Пудожеский или Никольский, из которых Березовский имеет больше всех островов и считается самым глубоким, недаром позднее ему было дано название Корабельный. Остальные рукава считаются неглубокими, и там могли проходить только мелкие суда. Поэтому Одд поднялся от острова Мудьюг вверх, вероятно, по Корабельному рукаву Двины на расстояние примерно около 50 км и бросил якорь, вероятно, около мыса Пур-Наволоку. В 2004 году при реставрации Гостиного двора в Архангельске был обнаружен клад, включающий в себя относящееся примерно к X веку скандинавское вооружение – четырнадцать мечей, шесть арбалетов, лук со стрелами, два боевых топора, булаву, кистень, два щита и два шлема. А Гостиный двор расположен как раз на мысу под названием Пур-Наволоку, упоминаемый в древних двинских грамотах.

Как только они туда прибыли, напротив их якорной стоянки на берегу сразу появились аборигены. Одд отправил несколько человек для переговоров с ними и, как обычно бывало, решил заключить мир для торговли на полтора месяца. Биармийцы пришли на берег с различными мехами, и тотчас начался торговый обмен. Но, когда прошло установленное время, мир был отменен, и Одд со своими людьми отъехал на середину реки к судну, стоявшему на якорной стоянке.

Когда наступила ночь, норманны увидели, как на берег вышла большая группа биармийцев и стала кружиться на одном месте. Вероятно, они совершали какой-то магический обряд, или, может быть, водили обыкновенный хоровод в честь какого-нибудь религиозного праздника. Когда закончились обрядовые танцы, Одд со своим напарником Асмундом незаметно высадились на берег и последовали за туземцами в лес.

Там они увидели большую избу. Кстати, в саге указывается, что к тому времени было очень темно, вероятно, действие происходило в конце августа – начале сентября. Подойдя к дверям избы, они увидели, что внутри хорошо освещенного помещения было много народу, там повсюду шло веселое пированье.

Одд спросил у своего напарника, понимает ли он речь местных жителей; Асмунд ответил, что она напоминает ему щебетанье птиц. Тогда они приняли решение похитить человека, который разливал вино, т. к. им почему-то показалось, что он должен знать норвежский язык. Одд незаметно вошел в сени избы и встал за дверью у порога, где было темно. Вскоре туда за очередной порцией вина вошла намеченная жертва, Одд сразу схватил виночерпия и без труда приподнял от земли. Тот, испугавшись, сразу громко завопил, что его схватила нечистая сила,

и стал просить о помощи. Биармийцы мигот протрезвели, выскочили в сени и в темноте стали держаться за виночерпия, который продолжал оглушительно орать. Одд, обладая невероятной силой, стал отмахиваться от биармийцев бедным виночерпием, как дубиной, а затем выскочил с ним на улицу и скрылся в лесу. Повергнутые в ужас аборигены так и не решились выйти из избы, боясь внезапно появившейся нечистой силы.

Одд с виночерпием и Асмундом устремились к судну. После того, как похищенный успокоился, Одд посадил его рядом с собой и стал расспрашивать, но виночерпий упорно молчал. После обещания заковать его в железо, виночерпий на чистом норвежском языке спросил, что именно хотят от него узнать. На естественный вопрос, откуда тот родом, пленный поведал, что он соотечественник Одда и пробыл в Биармии семь лет. Причина такой задержки норвежца в этой стране осталась неизвестной. Но когда пленного спросили, нравится ли ему здесь, ответ был отрицательным.

Одда и его товарищей интересовало более всего, где им поискать богатой добычи в этой стране. Виночерпий поведал им об огромном кургане, находящемся еще выше по реке Двине и составленном из земли и монет, т. к. в Биармии существовал обычай, когда человек умирал или рождался, то за того человека несли туда горсть земли и горсть серебра. И таким образом образовывался большой курган, составленный наполовину из земли и серебра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.